

кедонии, когда он размышлял о том, идти ли ему походом на Персию, — «Иосиппон» делает драматизированный рассказ, помещая его непосредственно перед посещением Александром Иерусалима. Летопись передает все подробности именно этого выразительного диалога с одинаковым числом реплик ангела и царя.

В рассказе летописца мы встречаем многочисленные следы использования им текста, переведенного непосредственно с еврейского оригинала, что может быть объяснено только тем, что летописец имел в своем распоряжении довольно точный древнерусский перевод еврейского сказания об Александре. Даже в летописной передаче продолжают явственно проступать гебраизмы. Это проявляется прежде всего в использовании особых значений слов, свойственных именно древнееврейскому языку. Так, в летописном рассказе древнерусский глагол «възйти» употреблен для обозначения движения к Иерусалиму, что полностью соответствует семантике глагола **עלה** — «идти вверх», «подниматься», «идти от берега моря вглубь страны», затем специально «идти по направлению к Иерусалиму».¹⁴

Во-вторых, текст летописного повествования насыщен буквальными передачами древнееврейских фразеологических сочетаний. Сюда относятся устойчивые сочетания со словом «лице» (евр. **פני**), например: «вратити лице», «пасти на лице», а также такие, как выражение «преступити речь» (евр. **עבר את פי**) и др. Подобного рода семантические и фразеологические гебраизмы могли бы быть признаны «библейзмами», обычными в языке переводов ветхозаветных книг Библии, поскольку они встречаются и в древнееврейских подлинниках этих произведений и отсюда перешли как в греческий перевод «Септуагинты», так и, уже через него, в старославянские переводы. Однако в данном случае совпадения настолько близки, что мы сможем смело признать эти выражения следом непосредственно древнееврейского оригинала, бывшего под рукою древнерусского переводчика.

Наряду с семантическими и фразеологическими гебраизмами доказательством прямого использования переводчиком именно древнееврейского текста являются и отдельные черты буквализма в передаче древнееврейских синтаксических конструкций. Так, например, «зло створити ереем божьим и к людем его». В данном случае русский предлог «к» соответствует по своей синтаксической функции предлогу **ל** в качестве грамматического показателя датива: **לעמו**. Явлением такого же порядка нужно считать и смешение в русском тексте личных (указательных) и возвратно-притяжательных местоимений, например: «со всеми вои его» вместо «со всеми вои своими». Известно, что древнееврейский притяжательный суффикс третьего лица **ו** соответствует как одному, так и другому русскому значению.

Наряду с указанными буквализмами перевода следует отметить во многих случаях свободную передачу смысла древнееврейских выражений грамматически правильными русскими словосочетаниями, что свидетельствует о стилистической самостоятельности переводчика. Так, фразеологическому сочетанию **רע בעיני** — «зло в очах твоих» соответствует в русском тексте «аче не любю ти», что совершенно верно и тонко передает не только смысловое содержание, но и эмоциональную оценку древнееврейской идиомы. Тавтологическое сочетание, дважды встречающееся в древнееврейском подлиннике: **מות תמות** — «умирая умрешь», передано древнерус-

¹⁴ Ср греческий глагол *ἀναβαίνειν* с аналогичным значением